

Ю

ЮРИИ

НИКУЛИН-младший

ВНУК ВЕЛИКОГО АРТИСТА: «Дедушка просто честно делал свое дело и жил для людей»

В детстве я писал письма любимому клоуну Никкулину... В 15 лет у меня перехватило дыхание, когда я увидел его и смог сказать только одно: КАКЖЕ Я ЛЮБЛЮ ВАС!

Дорогой Юрий Владимирович Никкулин! Вас по-прежнему любят! Очень! Ваша супруга – пример верности, памяти и любви к Вам! Вы можете гордиться Вашим сыном, который бережно относится ко всему, что Вы сделали! У Вас выросли замечательные внуки. Они очень на Вас похожи. С одним из них, Юрой, я снимаю передачи, посвященные Вам. А еще Юра снимается теперь в кино. По иронии судьбы я играю в этом же фильме и вижу, с каким уважением отнеслись к его решению сниматься – это такая ответственность! Вы не волнуйтесь, он уже взрослый, современный, отличный парень, и все у него получается! Спасибо Вам за свет и доброту. Юрий Никкулин-младший – достойное Ваше продолжение! С любовью, Саша Олешко.

/ ПРОЕКТ АЛЕКСАНДРА ОЛЕШКО /

– А как тебя называли в семье? В книге он написал, что у него родился внук Юрий.

– Нет, по-моему, просто Юрой был всегда. Не помню, потому что лет было мало. Юра, может быть.

– Скажи, у тебя не возникало какого-то неудобства из-за известной фамилии?

– Ты знаешь, я всегда при новых знакомствах, встречах где-либо стараюсь не говорить, кто я. В знакомствах с девушками в прошлом, с людьми какими-то. Юра и Юра – все! Учился во МХАТе! Информации достаточно на первый момент знакомства. И я даже не то что стеснялся, может быть, там и была доля стеснения, просто понимал, что начнутся вопросы, и обычное для таких случаев «а можно билетик в цирк»? Но, как известно, в любой компании есть такие весельчаки, которые обязательно просветят общественность: «Идем с нами, там за столом Юрий Никулин сидит! Внук легендарного клоуна того самого». Ну зачем? В этот момент выходные, вечер нормальной, свободной жизни был потерян. Внимания повышенное сразу по поводу и без, у некоторых стеснение, потому что думают: «Оооо, внук!» У некоторых, наоборот, раздражение, причем открытое: «Ой, пришел! Тоже мне! Других мест что ли нет?»

– Скажи, пожалуйста, а как ты относишься к таким «обидчикам»? С пониманием, жалостью, пренебрежением?

– Я стараюсь относиться к людям одинаково хорошо. Как бы ко мне ни относились. Нельзя никого винить и, наверное, переубеждать в чем-либо против желания. Просто когда я понимаю, что человек как-то негативно относится ко мне или к моей семье, моему деду, что-то там высказывает нехорошее, стараюсь держать дистанцию. «Привет, пока». На этом и заканчивается.

– Ты помнишь, когда первый раз попал в цирк? Первое свое ощущение? Я понимаю, что тебе это, наверное, сложно вспомнить...

– Нет, это несложно, потому что я этого не помню. И первое ощущение мне очень трудно описать. Многие рассказывают: первый раз в цирк попал в 7 лет с бабушкой, она меня привела, и я увидел клоунов, медведей на велосипеде, зайчиков в трамвайчике. У меня такого нет, к сожалению. Я даже завидую немного обычным зрителям, которые приходят в цирк. Они расслабляются, отдыхают, получают удовольствие от просмотра того или иного номера, для них это праздник. Я же, смотря представление, причем любое, оцениваю номера. У меня все равно в голове крутится: так, это можно сюда предложить, эти могут в шапито поехать, вот это хорошее, а вот это – я видел и лучше, а это совсем не годится. Я понимаю, что любой спектакль просто как зритель не смотрел уже давно.

– Ну а у тебя возникает некое волнение, если все-таки хороший номер, восторг?

– Да, конечно, очень часто. Сейчас, к сожалению, меньше, потому что видел уже достаточно. А вот раньше на фестивалях в Париже, Монако, у нас в Москве, на Цветном, были номера, и до сих пор иногда есть, которые так задевают, что сидишь от начала до конца с открытым ртом, как маленький ребенок.

– Ты молодой папа, сыну уже два с половиной года. Ты бы хотел, чтобы он был в цирке?

– Заставлять не буду никогда в жизни. Я хотел бы этого, конечно, как, наверное, любой отец желает, чтобы сын пошел по его стопам. Но ни ЮВ не заставлял моего отца этим заниматься, ни папа меня. Спрашивали, интересовались, чем бы я хотел заниматься, как вижу свое будущее. Я говорил, что подумываю о цирке, они были довольны, этого хватало.

– Скажи, а вот ты никогда в голове своей не моделировал такую ситуацию, просто с самим собой наедине: а вот если бы я родился в другой семье? Гипотетически.

– Бывали мысли такие, но как-то они ни к чему не приходили. То есть был вопрос, были размышления, но потом какая-нибудь другая тема меня переклочала, и я забывал... В общем, ни к чему я так и не пришел. Дело в том, что я себя не воспринимаю каким-то особенным, то есть все говорят: «Вот внук». Ну, я внук. Но это же дед мой был великий, известный, всемогущий и все прочее. Но я-то не дед.

– Скажи, остался ли какой-нибудь совет, фраза или просто ощущение от ЮВ?

– Он никогда нас не учил, не пытался наставить на путь истинный, что-то нам внушить. Были, конечно, разговоры на тему – что такое хорошо и что такое плохо, как у всех. Но его вообще я узнал, почувствовал, когда чуть-чуть подросток, к сожалению, уже после его смерти. Он нас с братом до какого-то периода времени, до 4 лет наших, не очень воспринимал. Потому что мы ползали, плакали, не могли разговаривать, он был занят другими делами и ждал, когда мы подрастем, я думаю. Как только мы начали говорить внятно и понятно, озвучивать свои мысли, желания, тут у него появился к нам интерес. Он нам много рисовал на даче. Военные баталии. Причем рисунки не то, что комиксы: здесь один рисунок, а здесь следующий кадр, другой рисунок. Нет, у него был, я даже не знаю, живой рисунок. То есть он рисовал человечка, минуточку, вот там идет солдат, навстречу ему едет танк. В этот момент, пока он рассказывал, он рисовал танк. Сверху летит самолет – появлялся самолет, откуда прыгают десантники – появляются человечки с парашютами. И этих листочков было очень много. Сейчас, к сожалению, я даже не знаю, сохранились они или нет, потому что на даче уже лет 10 никто не живет. Я туда никак последние, наверное, года 3-4 не могу доехать.

– А где она находится?

– В Валентиновке, по Ярославке километров 30 от МКАД. Это не очень далеко. Я все время откладываю поездку. Может, потому, что не хочу разочаровывать свои детские воспоминания об этом месте. Мы там прожили очень долгую, прекрасную, детскую жизнь. И именно тогда, когда ЮВ был жив. После этого мы перестали туда ездить. Внутренний какой-то страх, нежелание все это испортить.

– ЮВ был строгим дедом?

– За всю сознательную жизнь, что мы с братом с ним провели, он нас наказал только один раз. И то, видимо, мы его совсем достали, потому что он никогда в жизни не наказывал. Мы дрались с братом очень часто, причем серьезно. Если на улице – это еще ладно, прохожих не жалко, а дома страдали мебель, посуда, бабушка, которая пыталась нас разнять, тоже

несколько раз была задета. Я могу легко подстрекать брата, ну, так, в шутку, с иронией, а он всерьез обижается. Ну, вот такой я человек.

– Какой ты человек?

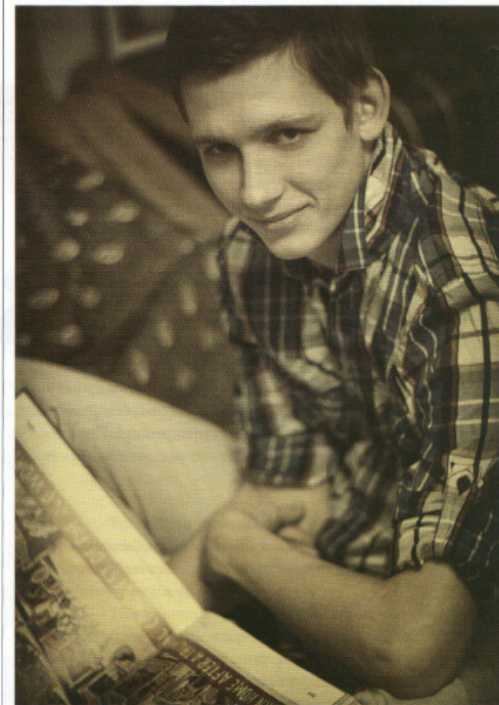
– Странный, наверное. Вообще я спокойный. И мое спокойствие иногда просто вгоняет людей в ступор, потому что на работе мне могут позвонить в 9 утра: завтра нужна съемка, в 7 утра, артистам надо улетать послезавтра, виз нет, билеты не получены. Все кругом взволнованы, а я как-то к этому спокойно отношусь. Хорошо, все будет хорошо! Все улетят. Сейчас все сделаем. У меня есть внутренняя уверенность в том, что я это сделаю. Я не могу это объяснить, я просто знаю. Это как с русским языком: я очень плохо знаю правила, но стопроцентно уверен: если пишу что-нибудь, здесь должна быть запятая. Не могу объяснить причастный, деепричастный обороты, но пишу верно.

– Ты, кстати, очень красиво и грамотно говоришь.

– У меня это от настроения зависит. Я, например, могу написать письмо маме, которая через дорогу живет от нас и которой можно просто позвонить. Мы живем на Новослободской, а они на Белорусской, а их дом вижу из окна.

– Хорошо. Если я тебя попрошу сказать, какой твой брат, какой твой отец, какой твой ЮВ?

– Мой брат – моя полная противоположность. Он такой, шептун. Вот я пошел в папу – спокойный, как столетний дуб. Все нормально, все размерено, все идет так, как должно быть. А брат мой – нет. Он что-то все время делает, куда-то бегаёт,

– С тобой мне очень хочется побеседовать не только потому, что ты тезка великого артиста, продолжатель династии в том или ином виде, внук любимого клоуна. Ты добрый, хороший человек! Я очень люблю таких людей, доброту не сыграть.

Я люблю людей, которые смотрят внутрь себя. Есть, кстати, выражение, его сформулировала актриса Алла Демидова, она, правда, сказала это про профессию: «Актер – это взгляд внутрь себя». Я думаю, что это не только артист, а человек, который вообще о чем-то задумывается или какие-то вопросы себе задает. Поэтому прими мои благодарности и восторги. Я считаю, новое поколение должно знать, что есть нормальные, хорошие люди. К сожалению, часто говорят: «Ну, а что все эти сынки, все эти внучки, все эти...». Жаль, что люди, произносящие такие слова, не понимают, какая это ответственность и часто нагрузка – родиться в особенной семье, которую знают и любят миллионы. И вот когда человек это преодолевает, живет достойно – в этом счастье. Естественно, беседа не пройдет без воспоминаний. Я не знаю, как называть в нашем с тобой диалоге Юрия Никулина? Вы его называете ЮВ?

– ЮВ – это Юрий Владимирович, аббревиатура.

– Вы дома так всегда его называли?

– Я никогда не называл его по имени, причем это очень странно. У меня есть две бабушки и еще один дедушка, я их всех по именам называю. Вот сколько я себя помню, у меня никогда не было «бабушка Ляля, бабушка...». У меня было так: Таня, Стасик, Ляля, все! А дедушку называл ЮВ! Я потом сидел и тоже думал: «Почему так?» – и только одно получилось объяснение: он тоже был Юрой. А «ЮВ»? – мне кажется, мой папа даже при жизни называл деда ЮВ.

опаздывает, спешит постоянно, что-то ему нужно, это сделать, то сделать. Как ни позвонишь ему: «Я занят», «У меня дела», «Я на встрече» или еще что-нибудь.

– Так, ладно, с ним разобрались, а папа?

– Папа – само спокойствие. Его можно вывести из себя, но нужно приложить немало усилий. Я, может быть, несколько раз в жизни видел, как он срывается на работе на кого-либо. Так все в основном переживается в себе, иногда может выплеснуться дома. Но это нормально, семья для этого, наверное, и создана, чтобы им все высказать, поплакаться, я не знаю, поругаться, потом помирились, и все нормально.

Вопрос «На кого ты хочешь быть похож?» очень был популярен в детстве. Я, как всегда, говорил: на дедушку! Но со временем, где-то в институте (я, по-моему, уже учился на первом или на втором курсе), как-то для себя осознал, что хочу быть похожим на отца. Не знаю почему, с чем это было связано. И я действительно очень хочу быть на него похожим. Но для этого мне нужно приложить столько усилий, сколько мне лень приложить иногда бывает. Например, я не очень успеваю читать книги. Папа же читает постоянно. Надо мне наверстать очень многое.

– А книгу ЮВ «Почти серьезно» ты читал?

– Да, конечно. Это святое. Пожалуй, единственная книга, которую я читал с большим удовольствием. Я по ней писал много сочинений в школе. Потом в институте курсовые. По истории надо было написать про известную личность, люблю. Я, конечно, выбрал деда.

– А какое учебное заведение ты окончил?

– Школу-студию МХАТ – с мучениями, проблемами, тремя попытками отчисления, переводом с бесплатного на платный.

– За что?

– Это большой, наверное, минус во мне: я люблю учиться тому, что мне интересно. А наша система образования построена как-то не очень увлекательно. Поэтому складывается ощущение, что учиться – это скучно, нудно, долго. Вот мы

и развлекали себя, как и многие другие студенты, что-то важное пропускали и потом догоняли и наверстывали.

– Ты, наверняка, не то чтобы не любишь учиться, просто тебя неправильно учили. Сама жизнь будет тебе преподносить новые знания, и ты будешь этому обучаться, этому будет способствовать твое спокойствие. Вот так я это понимаю. Ты получаешь информацию из других источников – это либо телевидение, либо Интернет, либо радио, либо встреча с каким-то талантливым человеком, либо какой-то вечер – вот твоё чтение. Тебе не подходит «как все».

– Хорошо охарактеризовал в одном интервью отец, когда его спросили: «А где учатся ваши дети?» Он: «Ну, младший учится в школе еще, в 11 классе, а про старшего должен сказать, он не учится. То есть он числится в институте, но он там не учится, он там тусуется». И я потом понял, что, наверное, так и есть. У нас был продюсерский факультет, причем тогда еще мы были театроведами-менеджерами. У нас был замечательный курс, я считаю, мне очень повезло. На моем курсе училась дочка актера Юрия Чернова. Потом, училась дочка режиссера Манского, он тоже фильмы снимал документальные, ну и снимает, я думаю. Учился парень, у которого отец работает на «А-Медиа», на СТС, по-моему. То есть все вот такие были.

– Весело было?

– Да, было очень весело. Наш курс вообще все считали блатным, потому что на всех были нормальные дети, обычные. У кого-то были какие-то связи, у кого-то еще что-то, кто-то сам поступил. А наш курс почти целиком состоял из фамилий. И все нам: «Да, бесполезно, к ним в компанию не пробиться». Все знали, где мы, когда, в какой компании. Нам было уютно общаться, и поэтому не то чтобы не пускали никого – были заняты друг другом.

– А у тебя есть друзья?

– Есть, причем именно настоящие друзья, которым все равно, какая у меня фамилия, сколько я зарабатываю, чем занимаюсь. Их, к сожалению, не много. В школе все были

друзьями. Это понятно, это у всех. В институте все школьные друзья перешли во «ВКонтакте» в лайт-переписку, «раз в месяц с праздником поздравить». Появились новые друзья. Но в институте уже пошло какое-то распределение: друзья, товарищи, знакомые. Сейчас я понимаю, что все были знакомыми, и остались друзья, с которыми я не учился в школе и институте. Мы с ними познакомились в клубе для экстремалов. Там висят сноуборды, лыжи, фотографии какие-то веселые. Их три брата. С ними начали общаться. Там же я познакомился с моей женой Настей. Она тоже была с ними знакома. Получается, у нас были общие знакомые. В течение уже семи лет мы постоянно общаемся, и это наши настоящие друзья. Сейчас мы туда ходим, дай Бог, если раз в год. Из-за ребенка сложнее куда-либо вырваться. В Москве у меня есть два любимых места – цирк и наш дом.

– Ты домашний человек?

– Я бы не сказал. Если у тещи есть возможность взять ребенка на день или на ночь, мы легко куда-нибудь срываемся с удовольствием. Иногда бывает, что хочется просто посидеть дома с женой, ребенком, никуда не идти, заняться домашними делами, уборкой, готовкой – чем угодно. А бывают у нас споры на тему «Куда идем?»

– Ты никогда не задумывался, каким видишь себя в будущем?

– Я не люблю задумываться о том, что будет через энное количество месяцев, лет. Вчера я знал, например, что встречаюсь с тобой. Сегодня я знаю, что у меня завтра, послезавтра три дня выходных. Я не люблю далеко смотреть, загадывать. Мне нравится, когда что-то получается спонтанно. Допустим, в среду я поехал в ГАИ получать номера. Потерял два с половиной часа жизни, ничем не занимаюсь, просто сижу в машине и ожидаю очереди. И позвонила жена: «Так и так. Что там? Когда? Время – восьмой час, мы же сейчас на даче». А это Юго-Западное, самое веселое направление, Внуково. И она говорит: «Слушай, я разговаривала с Димкой. Он, наверное, сегодня к нам заедет. Ты ему позвони, если он соберется, заberi его и приезжайте». Вот это я люблю, когда ни с того ни с сего можно позвонить другу и просто с ним разговаривать о чем-то: «Как дела, как жизнь, какие планы на выходные?» А он говорит: «Что ты делаешь сегодня вечером?» А поехали к нам! – «А поехали!»

– То есть ты легок на подъем?

– Абсолютно. Если у меня нет каких-то дальнейших планов или дел, я с удовольствием делаю все, что предлагают: «Поехали на дачу» – «Поехали». Приезжаем: «А давайте в покер сыграем!» – «А давайте!»

– А если возвращаться к теме ЮВ: вот, например, ты дома или с друзьями, или с женой, или с ребенком, и по телевизору какой-нибудь фильм с участием ЮВ. Ты его пересматриваешь?

– Специально не смотрю программу и не записываю себе в календаре, что вот во столько-то будет фильм с дедушкой. Если случайно, щелкая по каналам, наткнулся, я с удовольствием буду смотреть с любого места – начала, конца, середины. Бывает, кто-нибудь просто звонит, говорит: «Включи такой-то канал, там про ЮВ передача», или фильм с ЮВ. Включаю, смотрю. Очень не люблю передачи типа: «Последние 24 часа». Когда в хронику картины с живым человеком вставляют кадры

якобы из больницы, ноги какого-то актера и второго, который трясущимися руками держит его руку – это меня искренне раздражает. Я не могу на это смотреть. Не потому, что мне жалко, вспоминаю об этом, нет. Мне это неприятно, противно.

– Извини, разговор просто развернулся немножечко в эту сторону, ты помнишь вообще этот период, когда дед ушел, у тебя уже был возраст осознанный, чтобы что-то такое понимать и ощущать, или нет?

– Возраст был осознанный. Мне было десять лет. Тут уже, наверняка, можно было осознать, я знал, что такое добро и зло, что такое жизнь и смерть. Там тоже очень... мистическая история, интересная. Мы раньше каждое лето ездили на месяц, на две-три недели к бабушке по маминной линии, в Болгарию. Она на оздоровительные процедуры, а мы в бассейн, на пляж, в кафешку. И когда мы были в Болгарии, нам позвонили, сказали, что деда положили в больницу, будут делать операцию. Мобильных тогда не было, через автоматы, через карточку 48 цифр надо было набрать, чтобы дозвониться куда-либо, в общем, весело было. И, вроде, все нормально, операция прошла успешно, он лежит в больнице... Потом ему стало хуже, и началась борьба за жизнь. Если мне память не изменяет, у него клиническая смерть была зафиксирована, его вывели из этого состояния, вернули к жизни. Все это время мы были в Болгарии, а когда вернулись в Москву, на следующее утро он умер. Кто-то говорит, что совпадение, а мне кажется – он ждал, чтобы вся семья была в Москве. Я помню это утро, как вчерашнее, мы были на даче, не на Никитинской, а на Николаевской, на другой. Я проснулся от того, что услышал плач... неестественный, не то что фильм какой-нибудь грустный смотришь, а навзрыд, с выкриками... не очень было приятно. Я спускаюсь, сидит бабушка на кухне, мамин мама, плачет. Дед стоит, тоже никакующий, и: «Что такое, что случилось? Что вы плачете?» Ну и сказали, что умер ЮВ. Максим, брат мой, по-моему, несколько дней сидел, ревел. Я как-то немного спокойнее это воспринял. Не знаю, почему. Да, я плакал и на кладбище, и во время похорон, и несколько дней до этого: увидел фотографию – рыдаю, какое-нибудь воспоминание – тоже заплачу. Может, некрасиво с моей стороны, жестоко, но я сам удивлялся, как такое возможно – плачу, а потом выхожу на улицу, вижу, что ребята в футбол играют, пойду с ними поиграю. В общем, жизнь и смерть рядом.

– Мы же не должны вслед за человеком себя уничтожить и... ты же все равно его любишь, ты чувствуешь его... И потом, у нас есть защитные реакции, самосохранение.

– Наверное, это меня и спасло, я не убивался этим. Да, было грустно, мне его не хватало, все были чувства, но такого, чтобы сидеть целыми днями, не выходить из комнаты, рыдать над фотографией... мне не хотелось этого делать.

– Ты веришь в какую-то мистику или в какой-то замысел грандиозный того, что мы все живем на планете? Или ты такой земной человек, спокойно ко всему этому относящийся?

– Понимаешь, я с детства видел не только иллюзионные номера в цирке, но часто и их секреты. Сначала, как и любой ребенок, я верил в иллюзионистов, во все эти фокусы, что тело перемещается незаметно, но потом, когда я начал познавать цирк и все его секреты, я пе-

СО
СТИЛЕМ
ПО
ЖИЗНИ

рестал верить во все эти штучки. Я не верю в гадания, цыган, ясновидящих, экстрасенсов. С другой стороны, всему должно быть объяснение, я по поводу очень многого не знаю пока этого объяснения, не нашел его для себя, но точно знаю, что оно есть.

– Если мы говорим про отсутствие мистических чудес, а вера в Бога, высшую силу?

– Я верю, но странно, как и все в моей жизни. Есть верующие, которые при виде любой церкви, любого стоящего креста начинают перекрещиваться – это не я. Я же молюсь только в одном месте – это церковь, в которой меня крестили.

– Ты никогда не задумывался над тем, что ЮВ и его ангелы хранители тебя оберегают, тебе помогают?

– Я очень надеюсь на это. Даже тот факт, что его нет, но он все равно продолжает всем помогать, и нам в том числе, причем иногда это замечается в каких-то мелочах, даже неосознанных вещах. Да, в это я верю.

– Я чувствую душой, всем существом, он был абсолютно непростым человеком и очень любил тебя, твоего брата, твою сестру и всю вашу семью.

– На любви только ко мне я бы не стал делать акцент, помоему, он всех любил одинаково. Ко всем относился с одинаковым уважением, отдачей эмоций, чувств, любви. Это то, что я помню, видел.

– А как ты считаешь, твой папа похож на Юрия Владимировича? Я не имею в виду его внешнее сходство.

– Отец спокойный, очень умный, начитанный, добрый, иногда в каких-то вещах немного наивный, доверчивый. Он привык доверять, от дачи взаимы до подписания каких-то контрактов, иногда может сказать: «Давайте не будем подписывать контракт, пожмем руку, для меня это важнее любого контракта». Это для него нормально! Ведь для других людей, нет контракта – нет обязательств. Нет обязательств – ну и... Я тоже доверчивый, я точно такой же, как отец (ну, с некоторыми минусами-вычетами). Я очень доверчивый, привык и старуюсь доверять людям. Если я не очень хорошо человека знаю, не могу сказать, что сразу перед ним открываюсь полностью, но я ему доверяю что-нибудь – какую-нибудь информацию, факты. Я, наверное, добрый, как отец. Да... то, что я не злой – это точно, меня очень сложно вывести из равновесия. Но если это случается, то я могу в прямом смысле слова убить, если кто-то негативно отзывается о семье, что-нибудь говорит за спиной или мне в лицо – здесь я зверею. Могу очень разозлиться от несправедливости. Возвращаемся к папе. Что еще можно про отца? Добрый, иногда чересчур добрый. Иногда даже я вижу, что он уже перегибает палку доброты, наверное. Вот такой он.

– Теперь про ЮВ. Какие ощущения от того, когда ты слышишь о нем?

– Ощущение доброты, тепла, бесконечной энергии.

– А вот если бы он сейчас продолжал бы жить физически (понытно, что он живет в воспоминаниях людей, зрителей), ты бы ему задал какие-нибудь вопросы сейчас, в этом возрасте?

– Задал бы наверняка, и не один. Скорее, это вопросы были бы не на тему «Как жить дальше?» или «Как стать знаменитым?», это мне не было интересно и не будет. Да и перед ним их тоже не было: он просто честно делал свое дело и жил для людей. Скорее, это были бы вопросы из его прошлого. Когда мы встречаемся с Таней, бабушкой, я всегда с огромным удовольствием слушаю историю, допустим, как они познакомились, как они жили в коммуналке, как они ездили на гастролы, как она пережила блокаду. Все эти ужасы того времени, их детства. Это действительно настолько интересно, что, была бы моя воля и силы у бабушки, я бы нашел человека, который все бы это записал для потомков.

– Может, тебе это сделать? Ты не думал об этом?

– Я не думал по одной причине – я свой почерк не понимаю.

– Диктофон.

– Я записывал пару раз, когда мы приезжали, Таня что-то рассказывала. Я ее, кстати, бабушкой не называю. Она все-таки артистка, женщина. Просто Таня, Танюша! Когда она рассказывает, я сам это переживаю, слушаю с удовольствием.

– Мне кажется, что, если ты это сделаешь, может получить отличная книга. И, кстати, по воспоминаниям твоего папы о жизни ЮВ. Ты представь себе, это было бы потрясающе, это было бы просто твоим соединением, и с ЮВ в том числе, в самом прямом смысле слова. Вышла бы книжка: «Юра Никитин-младший, „Мой ЮВ“» или ну, не знаю, как. Так что пока есть такая возможность, просто покупай диктофон, задавай ей вопросы, потом расшифруешь. Пускай это будет. Пускай ее голос и воспоминания останутся, потому что, мне кажется, это было бы замечательно именно от тебя. Ну, извини, что я так... Мне кажется, что это очень правильно.

– Мне очень нравится эта идея. Спасибо! У меня сейчас уже выстраивается концепция.

– Я тебе финальный вопрос задам, чтобы не мучить, самый непростой. Продолжи, пожалуйста, фразу: «Моя жизнь – это...»

– Это моя семья!